

Г. В. Федянова
*Коломенский государственный
педагогический институт*

СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1854–1856 ГОДОВ КАК НЕАВТОРСКИЙ ЦИКЛ

В современном литературоведении при рассмотрении стихотворений Ф. М. Достоевского как единого целого обращается внимание на то, что при работе над ними автор преследовал цель вернуться в литературу (1 : 2, 621). Думается, что было бы небезынтересно рассмотреть их и с точки зрения их поэтики. Конечно, каждое из них своеобразно, со своими мотивами, системой образов, пафосом. Но объединённые временем создания – напряжённейшим периодом в жизни России, Крымской войной, – они не могли не обладать и близкими, связующими их, художественными характеристиками, позволяющими говорить о них как о неавторском цикле.

Заметим, что каждое из этих стихотворений было написано в момент, который выделялся и в истории Крымской войны своим драматизмом. И это проявлялось в их текстах. «На европейские события в 1854 году» написано в начале войны, по всей вероятности, в апреле 1854 г. Оно представляет собой разорванный диалог лирического «Я» с «западными народами». Необходимость осмысления этих событий проявилась и в архитектонике стихотворных десятистрочных строф пятистопного ямба. Цезуры после второй стопы создают ритм, настраивающий на размышления; а парно рифмуемые последние строки строф – придают категоричность выводам из рассуждений лирического «Я».

Характерное для общественного настроения того времени противопоставление России и Европы по отношению к христианству выражено и здесь. Верность Руси православию подтверждается воспоминаниями о борьбе с Татаринцом и междоусобицах внутри страны.

Знакома Русь со всякою бедой!
Случалось ей, что не бывало с вами.
Давил её татарин под пятой,
А очутился он же под ногами.
<...>
Страдала Русь в боях междоусобных,
По капле крови чуть не изошла,
Томясь в борьбе своих единокровных;
Но живуча святая Русь была!
<...>
Спасёмся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон! (2, 403)

Причина измены христианству – «мерзительное алкание богатств» западных народов.

Концовка этого стихотворения оптимистична. Её подготавливает кульминация лирического сюжета – страдания Христа, символизирующие «муки братий нам единоверных и стон церквей в гоненьях беспримерных».

РАЗДЕЛ III

Смотрите все – он распят и поныне,
И вновь течёт его святая кровь!

<...>

Вновь язвен он, вновь принял скорбь и муки,
Вновь плачут очи тяжкою слезой,
Вновь распростёрты Божеские руки
И тмится небо страшною грозой! (2, 403)

Стихотворение завершается рисуемой в воображении лирического героя картиной избавления православных народов от турецкого гнёта.

Нас миллионы ждут царёва слова,
И наконец твой час, Господь, настал!
Звучит труба, шумит орёл двуглавый
И на Царьград несётся величаво! (2, 406)

В этом свете особенно выделяется тон инвективы при обращении к европейским странам:

Но где же жид, Христа распявший ныне,
Продавший вновь Предвечную любовь?

<...>

Позор на вас, отступники креста,
Гасители Божественного света! (2, 405)

Таким образом, в этом стихотворении две параллельные противоположные линии лирического сюжета – России и Европы – как бы переплетаются третьей – линией Христа. Интересно, что функция этой линии – прояснять взаимодействие двух первых и их смысл.

Итак, лейтмотив рассмотренного стихотворения – широко распространённая тогда в русском обществе надежда на победу в войне, залогом которой являлась верность России христианству. Необходимо также отметить и мотив единения русского народа и русского Царя.

«На первое июля 1855 года» было написано в трагический момент – кончины Николая I и надвигающейся севастопольской катастрофы. Это не могло не проявиться в его художественном своеобразии.

Трагическую патетику поддерживает ритм стихов 10-строчных строф 6-стопного ямба. Цезуры после 3 стопы, сливая предшествующие слова, углубляя паузы между последующими словами, передают поэтическую экспрессию, выражаемую словообразами. Уже первые строки вводят в атмосферу трагизма и жертвенности, усиленную мотивом материнства.

Когда настала вновь для русского народа
Эпоха славных жертв двенадцатого года
И матери, отдав Царю своих сынов,
Благословили их на брань против врагов,
И облилась земля их жертвенною кровью,
И засияла Русь геройством и любовью,
Тогда раздался вдруг твой тихий, скорбный стон,
Как остриё меча проник нам в душу он,

Бедою прозвучал для русского тот час,
Смутился исполин и дрогнул в первый раз. (2, 407)

На примере лирических стихотворений этого периода других авторов можно видеть, что трагические мотивы нередко выражаются природными образами («Несжатая полоса» Н. А. Некрасова, 1854; «О чём ты стонешь, сине море...» Н. В. Берга, 1855; «Туман и заря» Ф. Н. Глинки, 1855), мотивами материнства («В деревне», 1854, «Внимая ужасам войны...», 1855 Н. А. Некрасова). В этом свете можно рассматривать и данное стихотворение Достоевского. Оно представляет собой молитвенное обращение лирического героя к вдове русского императора Николая I. Эти образы в своём роде обобщённые. Великая Вдовица, с одной стороны, и Отверженец унылой – с другой, представляют всё русское общество.

Великая Вдовица предстала в воображении лирического «Я» в свете христианских заповедей как символ кротости и верности.

Твой кроткий, грустный лик в моём воображеньи
Предстал моим очам, как скорбное виденье,
Как образ кротости, покорности святой,
И ангела в слезах я видел пред собой... (2, 407)

Страдалица «одна всех больше потеряла». Но она – «Великая душа и сердцем патриотка». История начертит её «образ светлый, ясный»:

Она расскажет нам священные дела;
Она исчислит всё, чем Ты для нас была. (2, 408)

Образ лирического героя противоположен образу Великой Вдовицы. Это «раскольник и слепец». Но в его душе христианские идеалы слиты с «русской идеей»:

И сердцем я познал, что слёзы – искупленье,
Что снова русский я и – снова человек! (2, 407)

И образ, как бы соединяющий Великую Вдовицу и Отшельника унылого, через который проявляются их взаимоотношения и их смысл, – образ Великого Супруга. В него «уверовал раскольник и слепец»:

Пред кем злой дух и тьма упали наконец!
И с огненным мечом, восстав, Архангел грозный,
Он путь нам вековой в грядущем указал... (2, 408)
Для Вдовицы Он «весь в сынах».
Взгляни, он весь в сынах, могущих и прекрасных;
Он духом в их сердцах, возвышенных и ясных... (2, 407)

Таким образом, Великий Супруг влияет на судьбу и Вдовицы, и «отверженца унылого».

Итак, здесь, как и в стихотворении, рассмотренном выше, две параллельные сюжетные линии как бы переплетаются третьей, выражающей их взаимосвязь и проясняющей их смысл.

Христианские мотивы в этом произведении выражены опосредованно, через главные образы. Образ лирического героя связан с мотивом покаяния и прозрения,

образ Вдовицы – с мотивом кротости святой, великодушия и патриотизма, образ Великого супруга – с мотивами Божественной силы и величия.

Таким образом, лейтмотив данного стихотворения – сила Руси – в её верности христианству, с одной стороны, в единении народа и Царя, – с другой.

Тот же лейтмотив возникает и в стихотворении «Умолкла грозная война...» (1856). Оно представляет собой молитву лирического героя от лица «русских миллионов» к Господу – «благословить Царя».

Сила молитвы должна быть поддержана выражением верности Руси святыне:

На вызов дерзкий и надменный,
В святыне чувств оскорблена,
Восстала Русь, дрожа от гнева,
На бой с отчаянным врагом... (2, 409)

Через отношение к Господу проявляются образы Царя и русского народа и их взаимоотношения.

С образом Царя связаны пушкинские аллюзии, посредством которых он сравнивается с Петром I:

Идёт наш Царь на подвиг трудный
Стезёй тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой,
Как тот гигант самодержавный,
Что жил в работе и трудах,
И сын царей, великий, славный,
Носил мозоли на руках! (2, 409)

Заметим, что пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...»), которые вводятся здесь в подтекст, были написаны в 1826 г. т. е. Достоевский, так же как его великий предшественник, надеется на добро в делах молодого монарха.

Образ Царя также связан с христианскими мотивами.

Идёт наш Царь принять корону,
Молитву чистую творя,
Взывают русских миллионы:
Благослови, Господь, Царя! (2, 409)

Успех молитвы «миллионов русских» за Царя зависит от их праведности:

Царю вослед вся Русь с любовью
И с тёплой верою пойдёт
И с почвы, утучнённой кровью,
Златую жатву соберёт.
Не русский тот, кто путь неправый
Всея час торжественный избрав,
Как раб ленивый и лукавый,
Пойдёт, святыни не поняв (2, 409)

Таким образом, сюжет этого стихотворения также складывается из двух сюжетных линий, которые как бы переплетаются третьей, уточняющей их взаимоотно-

ношения и проясняющей их смысл. Вероятно, можно говорить об определённой закономерности поэтики Достоевского, проявившейся в этих его произведениях.

В то же время заметим, что благодаря связующим мотивам эти стихотворения не только можно рассматривать как единое целое, но и говорить о «наращении смысла» этого единства. Связующие мотивы и лейтмотивы рассмотренных произведений, усиливая друг друга, в своём единстве выражают «русскую идею», как идею национальную (28, 208).

Итак, рассмотренные стихотворения можно характеризовать как неавторский лирический цикл (2 : 11–37]. Они имеют близкие лейтмотивы, общие принципы сюжетосложения. И именно такой подход к этим стихотворениям даёт возможность увидеть некоторые особенности поэтики их автора, которые, возможно, проявляются и в более поздних его произведениях.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 2. Л., 1972. С. 403. В тексте ссылка на это издание предполагает указание тома и страницы.
2. *Фигур Р.* Лирический цикл как предмет исторического сравнительного изучения. Проблемы теории. // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение. Материалы международной научной конференции. Москва – Перedelкино, 15 – 17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 11–37.

Е. Н. Белякова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

МОТИВ ОТЦОВСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Учение утопических социалистов, чьи умозаключения, как известно, нашли отражение в первом романе Ф. М. Достоевского, в основе своей имеет утверждение, что все люди должны смотреть на себя как на детей одного отца. Художественное воплощение этой идеи в произведении «Бедные люди» В. Е. Ветловская усматривает в неслучайном совпадении отчества героя и отчества героини (Алексеевич и Алексеевна), придя к заключению, что «общим отцом этих бедных людей может быть только один – отец небесный» (2 : 56). Это наблюдение является едва ли не единственным упоминанием о теме, ставшей одной из ведущих в романе, – теме отцовства.

В небольшое по объёму повествование Достоевского включены истории разорения отца Вареньки Добросёловой, сложных взаимоотношений отца и сына Покровских, горькой участи отца семейства Горшкова. Даже в пространных рассуждениях Макара Девушкина о социальной несправедливости противопоставляются не обобщённые типы бедняка-богача, а типы отца бедного семейства и отца семейства обеспеченного.